

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Л.Ф. Луцевич «Русская псалтырная поэзия: стихотворные переложения псалмов XVIII века» (Великий Новгород, 2002), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

В Библии есть две кульминационные главы, вершины содержательного и художественного аспектов: Псалтырь, комплект из 150 псалмов, и Песнь песней. Особенно велика в истории мировой культуры роль Псалтыри как более «божественного», более духовного текста, очень рано начавшего применяться в сакральной службе иудеев, а потом и христиан. И постоянно происходило расширение этого «хвалебного» слоя Библии, псалмы связывались с текстами из других глав Библии, перелагались в оды и песни на весьма ранних этапах существования церковных служб. Поэтическая, духовно-чувственная подкладка псалмов способствовала интенсификации поэтической энергии талантливых служителей культа, да и просто светских людей, перелагавших зародышевую стихотворную форму псалмов в настоящие художественные тексты, в подавляющем большинстве именно стихотворные. Недаром в истории мировой тысячелетней культуры псалмы так привлекали внимание поэтов. В том числе и русских. История русской поэзии убедительно показывает обилие стихотворных переводов и переложений Псалтыри, от периода древнерусской литературы до современности. Л.Ф. Луцевич кратко сообщает в диссертации и о современных поэтах-переводчиках, от знаменитых С.С. Аверинцева и Н.И. Гребнева до малоизвестных авторов. Следовало бы назвать еще талантливого петербургского поэта и переводчика Игн. М. Ивановского, недавно издавшего полный перевод всей Псалтыри. Л.Ф. Луцевич имеет полное право говорить, по аналогии с термином «Евангельский текст», о «Псалтырном тексте русской литературы» (см. с. 3 диссертации).

Активный творческий и читательский интерес к псалмам объясняется еще и растущим ныне вниманием к религиозной проблематике, к Церкви. Однако научное изучение переводческой практики по отношению к библейским текстам очень отстает от

современных культурных потребностей в самых различных сферах. Понятно, что в советское время эта научная отрасль находилась почти под полным запретом. В.К. Третьяковский и А.П. Сумароков перевели все псалмы, полную Псалтырь, но в изданиях их стихотворений в Большой серии «Библиотеки поэта» (соответственно – в 1963 и 1957 гг.) у Третьяковского помещен лишь перевод псалма 143 (трудно было его не напечатать, если в книге была опубликована теоретическая программная статья поэта-переводчика об этом псалме!), а у Сумарокова совсем комично: помещены лишь несколько строчек из перевода псалма 145-го...

Поэтому диссертация Л.Ф. Луцевич – одна из самых первых научных работ, посвященных русским переводам и переложениям Псалтыри. Автор давно уже и основательно изучает этот объект и смогла выпустить, преодолевая современные финансовые издательские трудности, три части книги «Псалтырь в литературе» (Кишинев, I, 2000, 231 с.; II, 2001, 442 с.; III, 2002, 254 с.) – под эгидой Молдавского университета. Книга содержит анализ псалтырных переводов и переложений в русской литературе древнего периода и XVIII века – и замечательный обзор образцов и параллелей к русской литературе из некоторых западноевропейских литератур, от гекзаметров Аполлинария Лаодикийского (IV в.) до польской силлабики Яна Кохановского (XVI в.) и новаторских молдавских (румынских) стихов молдавского митрополита Досифея (XVI в.). Из приложений к трехтомнику Л.Ф. Луцевич особую ценность представляют фототипические воспроизведения рукописного перевода псалмов Досифея на молдавский язык (кириллицей! параллельный набор латиницей – современный типографский), а также более известных нам отрывков из русских книг Третьяковского и Сумарокова. В конце Приложения (часть II) фототипически напечатана рукопись (копия XVIII в.) перевода 1-го псалма, осуществленного Ф.И. Дмитриевым-Мамоновым. Об этом авторе у нас еще будет идти речь.

Обновленный вариант кишиневского трехтомника Л.Ф. Луцевич (вместе с частично расширенным Приложением) в конце 2002 г. издан в виде одной книги в Петербурге, под названием «Псалтырь в русской поэзии» (изд-во «Дмитрий Буланин», 609 с., 500 экз.), так что представленная к защите диссертация имеет хороший печатный фундамент (не говорю еще о почти 40 статьях по теме).

Создавая докторскую диссертацию, Л.Ф. Луцевич несколько сузила свои разработки, вынеся за скобки XVII и начало XIX веков, хотя и постоянно обращается к этим «заграницам». Такое

хронологическое и содержательное сужение хорошо обосновано: именно в XVIII веке, после петровских реформ, в русской культуре вообще и в художественной литературе в частности происходит совершенно новое соединение церковного и светского, когда усиление светских начал создавало интересные волнообразные соотношения: то *sacrum* почти исчезало из области *profanum*, то, восставая откуда-то из глубин традиционной культуры, интенсифицировало связи двух якобы антиподов.

В диссертации очень хорошо продемонстрированы эти волны ослаблений и усиления связей на фоне исторического движения XVIII века. Конечно, в литературоведческой диссертации справедливо сделан крен к *profanum*: ведь автор не богослов, а филолог, и поэтому литературоведческая проблематика в диссертации преобладает. Настолько преобладает, что иногда автор и терминологически сдвигает сферы. Например, на с. 4 так говорится о расхождении двух начал: «С конца XVII и на протяжении всего XVIII в. с развитием секуляризационных процессов в России пути культуры и церкви все более расходились». Получается, что культуре отдана лишь область *profanum*! В общем-то Л.Ф. Луцевич так не думает, она тут же говорит о двух культурах (антропоцентрической, т.е. светской, и сотериологической, христианской). В самом деле, речь идет именно о сложном соотношении двух достаточно разных *культур*. Л.Ф. Луцевич точно определяет новаторство своей работы: «*Научная новизна* диссертации состоит в том, что впервые предпринята попытка целенаправленного, системного изучения значительного литературного явления в его становлении, бытовании и развитии на протяжении целого столетия. Настоящая работа ставит своей целью на основе изучения жанра стихотворного переложения псалмов представить картину развития псалтырной поэзии XVIII в. с учетом взаимодействия *sacrum/profanum* в мировоззрении и творчестве русских авторов» (с. 5-6).

В первой главе, посвященной первой трети XVIII века, рассматриваются труды поэтов-переводчиков, уже бывших объектом научного изучения: московские немцы-лютеране Глюк и Паузе (Паус), Феофан Прокопович, А. Кантемир. Личный вклад диссертанта можно видеть в подчеркивании реального значения опытов немцев (ими мог воспользоваться хотя бы Тредиаковский, знавший архив Академии наук), хотя, на мой взгляд, реальное влияние проблематично, а вот творческая конгенность несомненна: в России уже как бы созрел дух перемен, кроме других сфер, и в стиховедческой области, и Глюк-Паузе первые, используя уже разработанную немецкую силлабо-

тоническую систему, применили ее к русскому стиху.

На страницах первой главы, посвященных А. Кантемиру, интересен раздел о псалмах 36 и 72 (с. 76-86). Долгий спор исследователей об авторах переводов (то ли Феофан Прокопович, то ли А. Кантемир) Л.Ф. Луцевич разрешает оригинальной мыслью о возможной диалогичности, т.е. о принадлежности переложения 36-го псалма Феофану, а 72-го – Кантемиру (см. с. 83 и след.). Это предположение подтверждается подробным анализом обоих текстов и их сопоставлением с другими произведениями. Характерно также открытие диссертантом диалогичности в ряде рукописных сборников XVIII в. (с. 85-86). Далее при анализе цикла стихотворений Кантемира («Против безбожных», «О надежде на Бога», «На злобного человека», «В похвалу наукам») хорошо выделяется тема, важная для всего XVIII века и показывающая, насколько односторонним было представление о Кантемире как о чисто светском сатирике: речь идет о сопряжении христианства и науки. А, с другой стороны, Л.Ф. Луцевич находит несоответствие духовных стихов Кантемира и библейских текстов, например, в псалме 103 (стих 5) утверждается как бы «птоломеевская» картина мира (прочитую современный нам перевод: «Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки»), а Кантемир как бы принципиально полемизирует: «Как мячик легкий, так земля катится» (см. с. 89).

Но в целом, справедливо заключает диссертант, Кантемир своим постоянным обращением к христианской проблематике Ветхого и Нового Заветов демонстрирует, что, несмотря на ослабление церковности, на ослабление общего внимания к псалмам, все-таки влияние Библии вообще и Псалтыри в частности имело место: «В первой трети XVIII в. Псалтырь оставалась источником, не дающим осуществиться намеченному петровскими реформами разрыву культур между эпохами Старого и Нового времени» (с. 97).

В главах 2-5 Л.Ф. Луцевич подробно и тщательно, опираясь на обширную литературу вопроса, анализирует переводческую (псалтырную) деятельность Триаковского, Ломоносова, Сумарокова, на фоне их мировоззрения и творчества, научного и художественного. В результате ярко показываются общее углубление связи церковного и светского в сознании всех трех поэтов и в то же время индивидуальные особенности: Триаковский наиболее возвышен в смысле *sacrum*, как бы приравнивая себя к духовному лицу, и наиболее теоретичен в осмыслении содержания и формы духовной поэзии; Ломоносов интенсивно сближал науку с религией и даже прагматически использовал сакральные тексты для решения

гуманитарных научных проблем; Сумароков – наиболее светский и индивидуализированный, наиболее этичный, морализирующий. В конце 5-й главы интересно рассмотрен жанр молитвы в творчестве Сумарокова (с. 281-288), с перспективным показом выхода этого жанра в XIX век.

От сумароковского морализаторства прямой путь вел к творчеству русских масонов второй половины XVIII века. 6-я и 7-я главы, о масонах и о Ф.И. Дмитриеве-Мамонове, – кульминационные вершины диссертации в смысле новаторской свежести. Л.Ф. Луцевич открыла нам своеобразную переводную (псалтырную) поэзию масонских деятелей и оригинального Мамонова.

Достаточно далекие от официальной церкви, равнодушные и даже чуждые внешней церковной обрядности, масоны воспринимали христианство и личность Христа с точки зрения внутреннего воспитания личности, исправления и преобразования души на началах сердечности, добра, открытости ближним. Поэтому, не будучи «профессиональными» поэтами, вожди русского масонства обратились к переводам ив Библии, особенно – из Псалтыри, чтобы использовать священные тексты в своей практической деятельности. Отбор псалмов был не сплошным, выбирались нужные темы, и псалмопевец в переводах оказывался не столько грозным пророком, сколько мудрым учителем, наставником посвящавшихся в масонский круг. В диссертации хорошо показана эволюция масонских установок от обычных ветхозаветных принципов к идеям души и сердца (с. 308-310). Существенно, что масоны могли достаточно свободно обращаться с текстом псалтырного оригинала и вставлять свои собственные строки и мысли. Важно было «создание идеального образа: блаженного мужа, обладающего высокой нравственностью, – чертами, вытекающими как из библейской Псалтыри, так и из учения «истинного франкмасонства», испытывавшего колоссальное влияние Евангелия» (с. 317).

Поэтому когда в переводимом тексте встречались сцены ветхозаветной жестокости, мстительности, то нужно было смягчать картину, и к переводу псалма 136, заканчивающегося «разбиением» младенцев греховного Вавилона о камни, добавляется смягчающая строка: «Но суетен отмщенья глас» (см. с. 324). Центральными объектами анализа в этой «масонской» главе явилось творчество ИВ. Лопухина и И.П. Тургенева. Л.Ф. Луцевич в основном идеологически анализировала их стихотворения, но все же отметила и художественное значение их переводов: «... порой авторам удавалось подняться над идеологическим и морализаторским диктатом, и тогда

возникали проникновенные и художественно выразительные строки. Библейские псалмы, воплотившие весь спектр человеческих эмоций, позволяли сосредоточиться на столь ценимой масонами "истории души", что способствовало становлению основ лирического психологизма в поэзии. Именно у масонов возникло представление о сложности и противоречивости внутреннего мира человека, воплотившееся в образе смятенной человеческой души и ставшее одним из главных художественных открытий поэзии XVIII в » (с. 325).

Одним из самых ценных и новаторских разделов диссертации, как уже сказано, является глава 7-ая, посвященная Ф.И. Дмитриеву-Мамонову. Одна из самых интересных и загадочных фигур Екатерининской эпохи, Мамонов был мало изучен в нашем литературоведении, в нашей культурологии. А личность была настолько оригинальной и активной в жизни и творчестве, что возникали сомнения (их разделяла и императрица!): не сумасшедший ли он? В конце концов так и порешили: не в своем уме. Трагическая судьба мыслителя и литератора лишней раз показывает, как трудно самостоятельному и энергичному человеку остаться неуязвленным при режиме, когда власти сами определяют, кто нормален, а кто нет. А как много сделал Мамонов, и как бы он еще больше мог сделать, если бы не препоны юридического и цензурного характера, мешавшие его творчеству! Героически проявивший себя офицер, поэт, переводчик, философ, астроном, автор оригинальной социально-утопической повести в прозе «Дворянин-философ. Аллегория», коллекционер, создавший в Москве уникальный частный музей – и вот еще, оказывается, переводчик первых 54 псалмов на современный ему поэтический русский язык. Л.Ф. Луцевич впервые вводит в научный оборот рукопись Мамонова (точнее – современную ему копию) – и прилагает ее текст к диссертации.

Мамонов, как справедливо отмечено в диссертации, – в целом архаист, оказывающийся как бы поэтом до эпохи масонов, и даже Ломоносова. Он рационалистичен, жёсток, постоянно подчеркивает свою ориентировку на разум (возможно, в этом сказалось влияние его склонности к точным наукам). Но он, тем не менее, оказывается виртуозным новатором ритма и строфики (может быть, здесь тоже не обошлось без математических расчетов?!). 54 переведенных псалма объединены группами в семь кафисм. И начав первую кафисму с четверостиший, Мамонов потом для каждой следующей кафисмы прибавлял в строфу одну строку, и таким образом получались пятистишья, шестистишья и т.д., вплоть до 10-стиший. Когда он

доходит до такой большой строфы в 7-ой кафисме, то ему, естественно, нужно, для соблюдения относительной пропорциональности размеров стихов псалма и строф переложения сужать свои строки – иначе ведь пришлось бы вклинивать много лишних слов. Мамонов доходит даже в переводе псалма 53 до трех-четырех слогов в строке! Л.Ф. Луцевич определяет этот ритм как одностопный анапест (см. с. 352), но это совсем не анапест, а явный двустопный хорей, ибо и при пирихированных стопах скандирование создает ударения на первых слогах строк, а ряд строф вообще полноударны, лишены пирихийев, содержат реальные ударения на 1-ом и 3-ем слогах каждой строки:

*Бог источник всех благих, он
помощник мне на злых: он заступит и
притупит злость в врагах; дух
избавит, не оставит в злых судьбах.*

Двустопный хорей – совершенно уникальный размер, его не жаловали поэты и, кажется, обошли исследователи (у предшественников Мамонова образцы можно найти разве что у Тредиаковского). Укороченные строки наблюдаются и еще в псалмах 7-ой кафисмы: в 50 – трехстопный ямб, в 51 – двустопный анапест, в 52 – двустопный ямб. Это тоже редкие размеры, ими следовало бы заняться.

Любопытно, однако, что в других псалмах 7-ой кафисмы Мамонов использует более растянутые строки, три псалма написаны 4-стопным ямбом, один – 4-стопным хореем, один – 3-стопным анапестом. Такие же растяжения наблюдаются в предшествующих кафисмах. Это означает, что переводчику приходилось (или желалось?) добавлять слова и фразы к прозаическим текстам псалмов. Л.Ф. Луцевич показывает, что эти добавления в основном – личностные, автобиографические. Мамонов акцентирует тему власти земных владык, тему своего героического прошлого (см. с. 344-345); зная жуткую мамоновскую тему болезни и безумия, мы по-особому относимся к выделению подобных тем и намеков (см. с. 346-348).

8-я глава посвящена Державину. Впервые в нашей науке так подробно анализируются псалтырные переводы великого поэта. Л.Ф. Луцевич справедливо подчеркивает глубокое представление Державина о сакральной сущности такого поэтического понятия, как вдохновение. Если поэты конца XVII – начала XVIII вв. (Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович) рассматривали свою деятельность как духовных лиц в виде посредников между Богом и людьми, то Державин, считая себя светским поэтом, сам поднимался к Богу, к

Слову Божию, создавал возвышенные стихи и отдавал их людям. Отсюда более возвышенное и в то же время, в державинском духе, чуть ли не опрощенное представление о личности поэта: Державин вводит в перевод личностные черты, слова и фразы о счастливой семейной жизни, о друге, попутно прославляет военного героя Г. Потемкина... Характерно также включение в переводы христианских тем. Бог в псалмах приобретает черты христианского Бога, «Бог ветхозаветный уступает место новозаветному Спасителю» (с. 404), и возникают мотивы покаяния, сострадания, любви, всепрощения.

В Заключении подводится итог: автору диссертации удалось доказать, что, несмотря на эволюцию и переакцентировки, развитие псалтырных поэтических переводов свидетельствует о несомненной связи в культуре XVIII в. *sacrum* и *profanum*. Хорошо бы также автору продолжить в дальнейшем основательное изучение этой темы на материалах XIX века.

Таким образом, нам представлен серьезный, обстоятельный, новаторский, перспективный труд. Вне всякого сомнения, представленная работа отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по литературоведению, а Л.Ф. Луцевич как автор заслуживает присуждения ей искомой степени доктора филологических наук.

СПб., 31 янв. 2003 г.

Доктор филологических наук, профессор,
главный науч. сотрудник Института истории РАН
Б.Ф. Егоров

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации Егоровой Светланы Олеговны
«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10. 01. 01 - русская литература

Диссертационное исследование Светланы Олеговны Егоровой производит впечатление основательного труда, посвященного изучению эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя. Недостаточная изученность этого интереснейшего плана творчества Гоголя свидетельствует об актуальности представленной к защите